

Протоиерей Димитрий Чистюхин

К вопросу о взаимоотношениях Церкви и государства в России в XX веке

Прежде чем приступить к рассмотрению проблемы взаимоотношений Церкви и государства и положения Церкви в обществе в XX в., необходимо обратить внимание на события, предшествовавшие исследуемой эпохе, но во многом определившие пути развития России.

Это церковный раскол середины XVII в., когда «разгром Боголюбцев патриархом, а затем падение самого Патриарха Никона, в корне подорвало силы сторонников воцерковления Руси, раздробило и ослабило церковно-консервативное крыло русского общества и умалило влияние Церкви на государство». Тогда была открыта дорога «для быстрой секуляризации страны» [6, с. 260]. А также это реформы, осуществлённые в начале XVIII в. Петром Великим, когда на российскую почву были привнесены новые формы взаимоотношений Церкви и государства, которые вытеснили унаследованную от Византии «идею соподчинения целей государства и Церкви, теснейший союз или симфонию между двумя этими учреждениями, при юридической независимости того и другого» [12, с.12]. После отмены Патриаршества и учреждения Свящ. Синода «светское правительство стало смотреть на Церковь не как на высочайшую святыню народа, а как на одну из опор государственного аппарата, нуждающуюся в опеке и надзоре» [3, с. 9].

Еще более важным следствием Петровских реформ явился уход культуры из сферы влияния Церкви и вступление обмирщенной культуры в конкурентную борьбу с Церковью. В русской культуре, по определению академика Панченко, появляется феномен «светской святости», когда место духовных наставников нации занимают писатели и поэты. В творениях писателей и поэтов, как прежде в трудах Отцов Церкви, образованные слои общества ищут ответы на животрепещущие проблемы бытия. Сначала идеи «светской святости» воспринимаются высшими слоями общества, которые с петровских времен усваивают плоды европейского просвещения, а затем «постепенно проникают и в народ» [10, с.138]. Книги Пушкина, Гоголя, Некрасова, Достоевского, Толстого, «подобно творениям отцов Церкви, не подвергаются старению и сохраняют качество учительности спустя десятилетия и столетия. Это чисто русская ситуация. На Западе...за ответом на животрепещущие проблемы не обращаются к Гёте, Бальзаку или Диккенсу» [10, с. 139]. В результате этих процессов «общество», то есть «верхи», после Петра живёт как бы вне Православной Церкви» [10, с. 141].

Церковь унижена и находится в кризисном состоянии. Происходит постепенное превращение духовного сословия в закрытую касту. Создаётся ситуация, когда многие представители духовенства вынуждены нести церковное служение не по зову сердца, а лишь из-за невозможности реализовать себя в иной сфере общественной деятельности. Святитель Игнатий (Брянчанинов), констатируя печальное положение Церкви и духовенства в России в середине XX в., в беседе с английским богословом В. Пальмером говорит о том, что «Россия, пожалуй, находится недалеко от взрыва в ней еретического либерализма. У нас есть хорошая внешность: мы сохранили все обряды и Символ первобытной Церкви, но все это мертвое тело, в нем мало жизни. Белое духовенство насильственно сдерживается в лицемерном православии только боязнью народа» [3, с. 222]. Словно продолжая мысли свт. Игнатия, его младший современник свт. Феофан Затворник писал: «Того и гляди, что вера испарится, почти повсюду спят...Через поколение, много через два иссякнет наше Православие. Следовало бы завести целое общество апологетов, и писать и писать. Но только писать мало, народ нуждается в настоящей апостольской проповеди, исполненной Духа и силы. Поджигатели должны сами гореть. Горя, ходить повсюду – и в устной беседе зажигать сердце» [3, 226].

Печальным повторением его мыслей звучат слова митрополита Вениамина (Федченкова), церковное служение которого совпало с самым сложным периодом в истории Русской Церкви конца XIX – первой половины XX вв.: «Как мы могли зажигать души, когда не горели сами?» [2]

Начало XX в. ознаменовалось стремительным падением авторитета Церкви. Во время первой русской революции 1905 г. «демонстрация собственного неверия стала...весьма распространенным явлением в русском обществе, прежде всего в социальных его низах» [7, с. 197]. Период между первой русской революцией и Первой мировой войной был отмечен разгулом сект, нравственной опустошенности. Происходит деградация института семьи не только в образованном обществе, но и в простом народе. Обществом овладевает разочарование в жизни.

Начинается настоящая эпидемия самоубийств. В ноябре 1916 г. французский посол в России Морис Палеолог писал в своем дневнике: «Среди симптомов, позволявших мне сделать весьма мрачное заключение о моральном состоянии русского народа, одним из наиболее тревожных является неуклонный рост в последние годы количества самоубийств... за последние десять лет число самоубийств утроилось и даже учетверилось в Петрограде, Москве, Киеве, Харькове и Одессе. Две трети всех жертв не пере шагнули рубеж двадцати пяти лет, и статистика приводит случаи самоубийств среди восьмилетних детей. Причинами большинства этих самоубийств являются невращения, меланхолия, ипохондрия и полное отвращение к жизни... Повышение числа самоубийств демонстрирует, что в самых недрах русского общества действуют скрытые силы дезинтеграции» [9, с. 633-634].

Весьма точно констатировал состояние Царской России в последнее десятилетие ее существования профессор экономики и богослов протоиерей Сергей Булгаков: «Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь». Нельзя сказать, что Церковь ничего не делала для предотвращения надвигавшейся катастрофы. «Появились тысячи разных церковных братств и обществ, ...Явились особые типы пастырей – общественных деятелей в борьбе с пьянством, босячеством, детской распущенностью и пр.» [4, с. 156]. Но мер, предпринимаемых отдельными подвижниками, было явно недостаточно. Во время Первой мировой войны, несмотря на то что русская армия в основном состояла из крестьян, православных по вероисповеданию и воспитанию, «духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск... в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов» [5, с. 79-80].

Февральская революция, приведшая к свержению монархии, была следствием глубочайшего кризиса, поразившего государство. Монархия стала настолько непопулярной в обществе, что даже во время последовавшей после революции гражданской войны среди белогвардейцев открыто заявлять о своих монархических убеждениях было не принято. Из всех белых правительств только Земский собор Приамурского края 31 июля 1922 г. принял решение о восстановлении монархии в России. Несмотря на то что «Февральская революция сопровождалась рядом антицерковных акций, вплоть до арестов архиереев» [13, с. 60], члены Синода отказывались выступить с воззванием в поддержку монархии. В церковной среде возникли надежды на установление новой формы взаимоотношений Церкви и государства. Пришедшее к власти после свержения монархии Временное правительство, состоявшее из представителей социалистических и буржуазно-демократических партий, в своей религиозной политике руководствовалось принципами свободы вероисповеданий и отделения Церкви от государства.

Февральская революция, спровоцировавшая рост «антирелигиозных настроений среди недовольных своим существованием людей, в представлении которых Церковь и монархия были едины, и десакрализация их представлений о монархии отражалась и на отношении к Церкви» [13, с. 60], вместе с тем вызвала волну стихийной демократизации в Церкви. На всех уровнях, от должности приходских старост до замещения кафедр епархиальных архиереев, было введено выборное начало. Духовенство и миряне стремились принимать активное участие в управлении не только приходами, но и епархиями, ограничивая почти повсеместно власть епископата. Возник ряд общественно-политических организаций, объединявших духовенство, хотя основная масса духовенства была далека от политики.

При Временном правительстве Церковь получила, наконец, возможность впервые после более чем двухсотлетнего перерыва созвать Поместный Собор, открывшийся 15 августа 1917 г. и продолжавшийся до 7 сентября 1918 г. Главным деянием Собора было восстановление Патриаршества, состоявшееся в дни падения Временного правительства и прихода к власти большевиков, вскоре открывших жесточайшее гонение на Православную Церковь, поскольку лидеры победившей партии понимали, что большая часть населения обладает архаичным сознанием и главным их конкурентом в борьбе за умонастроения народа является Церковь.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый Советским правительством 20 января 1918 г., провозглашая право свободы исповеданий, вместе с тем лишал Церковь юридического лица и церковного имущества, национализированного советским государством. В 1918 – 1922 гг. жертвами Красного террора стали 28 епископов и 1219 священников [7, с. 552]. По окончании гражданской войны Советское правительство, с одной стороны, продолжило политику террора по отношению к Церкви, когда в ходе кампании по изъятию церковных ценностей – по официальной версии, в помощь голодающим, – а на деле для поддержки международного революционного движения в Европе, было репрессировано около 20 тысяч человек, в том числе около одной тысячи расстреляно [13, с. 95]. С другой стороны, правительство попыталось создать внутри Церкви оппозицию по отношению к св. патриарху Тихону и поддерживающему его епископату, спровоцировать раскол, уничтожить Церковь руками самого же духовенства. Но, несмотря на возникавшие в 20-х годах расколы, большая часть духовенства и мирян остались верны Патриаршей Церкви.

После того как стало ясно, что власть коммунистов в России утвердилась надолго, Церковь попыталась наладить взаимоотношения с новой властью. В 1927 г. Заместитель Патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) в своём «Послании пастырям и пастве», известном более как «Декларация» митрополита Сергея, подчёркивая, что Церковь занимает патриотическую позицию, заявлял: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи» [13, с. 117].

Многими представителями духовенства и мирянами эти слова, а также согласие митрополита Сергея на вмешательство в кадровую политику Церкви представителей советской власти было воспринято как предательство. Возникло мощное движение так называемых «непоминающих», составивших оппозицию заместителю местоблюстителя патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому) и возглавляемому им Синоду. Когда в конце 20-х годов советское руководство взяло курс на построение социализма в отдельно взятой стране, репрессии, направленные против Церкви, ужесточились.

«В начале 1929 г. за подписью Кагановича на места была отправлена директива, в которой подчеркивалось, что религиозные организации... являются единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы» [3, с. 429]. С 1928 г. началось массовое закрытие церквей, сопровождавшееся уничтожением святынь и арестами духовенства и мирян. Всего за годы Советской власти было репрессировано не менее полумиллиона священнослужителей и мирян.

В 1917 г. Церкви принадлежало 78 767 храмов и часовен, 1256 монастырей. «К 1939 г. Русская Православная Церковь как организационная структура в результате жесточайших гонений и открытого террора была практически разгромлена... летом 1939

г. в Московском Патриархате осталось только четыре правящих архиерея» [13, с. 131]. В Русской Церкви осталось не более 350 действующих храмов и ни одного монастыря. Несмотря на гонения, страна покрывается сетью тайных приходов и монашеских общин. Согласно данным переписи января 1937 г., «44% населения старше 15 лет заявили, что они христиане (в том числе 42% – православные)» [7, с. 963]. То есть из 97 521 000 опрошенных 40 958 820 человек, не страшась наказания, исповедовали себя православными христианами. А общее число объявивших себя верующими было 55 278 000. То есть большинство. И это несмотря на жесточайшие гонения на религию и воспитание детей и юношества в советской школе в духе атеизма и оголтелую антирелигиозную пропаганду.

Вообще надо понимать то, что атеистическое государство относилось к человеку не как созданному по образу и подобию Божию венцу творения, а как к результату эволюции из обезьяны. Из этого и исходило пренебрежение к личности и отношение к собственным гражданам как к материалу, который можно использовать при проведении социальных экспериментов.

Но сам ход истории заставлял Советское руководство с течением времени менять свое отношение, как к человеку, так и к религии. Осознание того, что репрессии не смогли снизить религиозную активность населения СССР, существование неподконтрольной правительству «катакомбной церкви», начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война и ряд внешнеполитических факторов заставили Советское правительство пересмотреть свою религиозную политику. Этому способствовало и то, что Церковь с самого начала Великой Отечественной войны заняла патриотическую позицию, призвав верующих встать на защиту Отечества. После встречи 4 сентября 1943 г. И. В. Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) Церковь получает относительную свободу, возможность открывать новые приходы, монастыри, духовные учебные заведения. Вплоть до конца 50-х г. положение Церкви было относительно благоприятным.

Последнее масштабное гонение на Церковь было предпринято советским руководством в 1958 – 1964 гг. В результате хрущевских гонений на Церковь из 13 430 храмов и молитвенных домов к 1965 г. было закрыто 5879, из 57 монастырей осталось всего 16. Из восьми духовных семинарий пять было закрыто [13, с. 430]. «В 1961 – 1964 гг. в СССР по религиозным мотивам было осуждено 1234 человека» [25]. После снятия со всех занимаемых постов Н. С. Хрущева гонения на Церковь постепенно сошли на нет.

В последние десятилетия советской власти «Православная Церковь существовала в отведенной ей государством нише... Отношения «стабилизировались» или, в определенном смысле, «законсервировались» [8, с. 428]. Перемены в взаимоотношениях Церкви и государства начались с приходом к руководству страной М. С. Горбачёва и предпринятых им попыток реформирования советского строя.

После встречи 29 апреля 1988 г. М. С. Горбачева с Патриархом Пименом и членами Св. Синода и празднования тысячелетия Крещения Руси не только на церковном, но и государственном уровне, советское руководство разрешило открывать новые приходы и монастыри, духовные учебные заведения, представители Церкви получили доступ к средствам массовой информации.

1 октября 1990 г. Верховным Советом СССР был принят закон «О свободе совести и религиозных организаций», которым за всеми религиозными организациями утвердилось право юридического лица. На фоне крушения СССР происходило бурное возрождение Церкви. Если в 1986 г. в Русской Церкви было 6794 прихода и 17 монастырей, то в 1991 г. – уже 12 000 приходов и 117 монастырей [13, с. 431].

Влияние Церкви на общество растет. После распада Советского Союза она стремится стать силой, объединяющей без различия политических убеждений, социального происхождения и гражданства всех людей, принадлежащих к Русскому миру. В 1999 г. Патриарх Алексий II во время визита в Самарскую епархию произнес

замечательные слова: «...часто раздаются голоса, что нам нужно найти национальную идею. И ищут национальную идею где-то за океаном или в Западной Европе. Но я убежден, что наша национальная идея – в трудном, но славном прошлом, в том, что пережила Россия за тысячелетний период своей истории. Важно вернуться к тем основам жизни, которыми жил наш народ, будучи народом богоносцем, верующим, нравственно чистым» [11, с. 41]. Думается мне, что в этих словах Святейшего Патриарха и состоит для нас главный урок, который мы можем почерпнуть из опыта непростых взаимоотношений Церкви, государства и общества в России в XX в.

Библиографический список

1. Архивы Кремля. Кн.1. Политбюро и Церковь 1922 – 1925 гг. [Текст] – Новосибирск, 1997.
2. Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. [Текст] / митрополит Вениамин Федченков. – М., 1994.
3. Владислав Цыпин, прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды [Текст] / Протоиерей Владислав Цыпин – М.: Сретенский монастырь, 2006.
4. Георгий Шавельский, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. [Текст] / Протопресвитер Георгий Шавельский – М., 1996.г. Т. 1-2.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты [Текст] /А.И. Деникин – М.,1991.
- 6.Зеньковский С. Русское старообрядчество [Текст] /С. Зеньковский – Минск, 2007.
7. История России. XX век: 1894 – 1939 [Текст] – М., 2009
8. История России XX век: 1939 – 2007 [Текст] – М., 2009.
9. Палеолог М. Дневник посла [Текст] / М. Палеолог – М., 2003.
10. Панченко А.М. Парадоксы русской истории [Текст] / А.М. Панченко – СПб., 2012.
- 11.Сафонов В. На самарской земле [Текст] /В. Сафонов – Журнал Московской Патриархии – 1999 – №12.
- 12.Соколов И.И. Лекции по истории Греко-Восточной церкви: в 2 т. Т. 1 [Текст] / И.И. Соколов – СПб., 2005.
- 13.Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке [Текст] / М.В. Шкаровский – М., 2010.